

ИСТОРИЯ

УДК 327 (55)

Ф.М.Ибяттов

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА:
ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Центр исследований Кавказа, Ближнего и Среднего Востока Российского государственного
торгово-экономического университета, Москва, Fail-Ibyatov@yandex.ru*

Анализируются внешнеэкономические приоритеты современного Ирана, претендующего на роль лидера исламского мира. Показано его участие в формировании многополюсного мира. Рассмотрены перспективы создания «большого экономического пространства», ориентированного на Тегеран.

Ключевые слова: политика, ислам, исламский мир, страны Персидского залива, многополюсный мир

The article analyses the foreign economic priorities of modern Iran which claim to be a leader of Dar al-Islam. Its participation in the multi-polar world forming is shown. The possibilities of forming of «large economic area», which is focused on Teheran, is considered.

Keywords: politics, Islam, Dar al-Islam, Gulf States, multi-polar world

Исламская Республика Иран вступила в активные международные отношения в весьма примечательный исторический период, когда превосходящими силами Запада был сломлен и практически уничтожен «идеологический Восток» — восточный полюс мировой политики, что имело очевидно негативное значение для Ирана и для многих других стран переднеазиатского региона. Крушение СССР, а значит ликвидация так или иначе понимаемой «северной угрозы» и максимальное ослабление северного геополитического соперника кардинальным образом изменили геополитическую обстановку вокруг Ирана: сами собой создались широкие возможности по наращиванию своего политического присутствия в «подбрюшье» бывшего СССР — в исламских и неисламских странах Закавказья и Средней Азии. Вместе с тем эти же самые обстоятельства оставили Иран «один на один» с американо-атлантической стратегией, амбициями политического пантюркизма и внедрением де-факто политического сионизма в некоторые страны западной части Евразии. То, о чем предупреждал в 1989 г. Михаил Горбачев лидер иранской Исламской революции имам Хомейни — об опасности наступления ценностей агрессивного либерализма, политико-экономической экспансии Запада в результате катастрофического распада СССР, осуществилось, причем в самом прискорбном варианте [1].

Наиболее значимыми признаками формирования многополюсного мира в представлениях иранских политиков сегодня являются: все большая самостоятельность Германии и Франции в континентальной и ядерной политике; нарастание противоречий между ЕС и США, а также все более усугубляющаяся обособленность Англии в европейской политике; самостоятельные шаги Франции на Ближнем Востоке, а Германии — в Центральной Европе (в части создания «новой германской цивилизационной общности»); попытки российских политиков сопротивляться экс-

пансии НАТО и атлантической стратегии в целом; «поляризация» самого Американского континента — создание НАФТА (Северная Америка), Организации американских государств, Организации экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АПЕК) и др.; развитие политического блока 17 государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН); попытки исламских государств создать все более структурированные региональные организации; относительно недавнее создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с большими политическими и экономическими перспективами; укрепление позиций Японии как самостоятельного геополитического полюса в мире и т.д. [2].

Другим важным представлением современных иранских политиков является убеждение в тщетности антиисламской политики США в целом. Поиск «нового врага» (после разрушения СССР) и искусственное превращение ислама во «врага переднего эшелона», по мнению иранцев, преследует несколько целей — создание непрерывающегося периметра долговременной напряженности между исламскими странами и Россией; превращение Западной Европы в «осажденную» исламом «крепость» с «прививкой» европейцам психологии «осажденных»; а также создание зон напряжения в самом исламском мире. По мнению иранских специалистов и политиков, данные устремления США больше основаны на былом опыте американцев, полученном в предыдущие периоды их политических инициатив в исламских регионах и не учитывают нового этапа становления политической и экономической независимости этих стран, когда зона внешних манипуляций и иноидеологических инициатив значительно сужается, поскольку возрастает роль новых отношений в самом исламском мире. Больше того, иранцы внимательно следят за внутривнутриполитической ситуацией в самих США, — за расовыми и этническими волнениями, особенно связанными с дея-

тельностью Л.Фаррахана и его движения «черных мусульман» (которое куда более радикально, нежели протестантское движение пастора Мартина Лютера Кинга), а также за центробежными силами, связанными с лоббистской деятельностью некоторых восточноевропейских и средиземноморских этносов — греков, курдов, армян, арабов и др. Иранцы считают, что в перспективе ближайших 10-15 лет развал американской супердержавы станет актуальной реальностью [3].

Исламская Республика Иран вступила в мировую политику, практически отказавшись от территориальных претензий, а ее вмешательство в дела Бахрейна в 1979 г. имели цели не территориальной аннексии, а, скорее, идеологические (актуальные иранские политики считают проблему Бахрейна завершенной в 1970-1971 гг. с признанием Ираном его независимости) [4]. Отказ от территориальных претензий к соседям имел огромное значение для усиления международного влияния Ирана и укрепления его внутригосударственного положения.

Иран, претендующий на роль лидера исламского мира, «полюсного» идеологизированного государства, противостоящего не просто сверхдержавам, но и соответствующим идеологиям, хорошо понимает, что территориальные претензии — это очевидный тупик в его стратегических устремлениях, а также подрыв генеральных задач достижения партнерских и союзнических отношений с исламскими государствами региона. В то же время со времен Исламской революции Иран неизменно позиционирует себя в международном аспекте как абсолютно стержневую державу региона, статус которой попросту не сравним со статусом Саудовской Аравии, Египта или даже Турции. Даже Пакистан, который по числу населения немного превосходит Иран и уже обладает реальным ядерным оружием, не рассматривается иранской политической элитой как некая равная региональная держава. Свою мировую роль и международное положение Иран рассматривает на равных с Россией и Индией [5].

Важнейшим для Ирана направлением внешнеполитической деятельности остается регион Персидского залива, некогда объявленный, как известно, «зоной жизненных интересов» США. Иран за последние 18 лет предпринял немало усилий для преодоления политико-экономического вмешательства США в регионе и переориентации стран Залива на Тегеран.

Отношения с Саудовской Аравией как важнейшим союзником США в регионе по-прежнему остаются весьма натянутыми и носят не только характер политической конфронтации, но и идеологического противостояния, так как Саудовский режим принял в качестве официальной религиозно-этической доктрины ваххабизм (крайнюю форму ханбалистского мазхаба), который в Тегеране считают религиозной ересью. Саудовская Аравия, опираясь на помощь США и Англии, является главным противником Ирана в региональных организациях и системах безопасности, настаивая на формировании чисто арабской системы безопасности. Политическая

элита Саудовской Аравии рассматривает иранскую революцию как «узконационалистическую», «религиозно-общинную», которая якобы расколола исламский мир. Саудовцы выдвинули тезис о том, что в перспективе возможна «поляризация» сил в регионе с полюсами Израиль и Иран, что приведет к реальному расколу арабского мира и снижению его безопасности.

Неровно складываются отношения Ирана с другими государствами Залива — Кувейтом и Катаром, несколько лучше — с Объединенными Арабскими Эмиратами, вполне дружески — с Оманом [6]. В арабском мире наиболее предпочтительны отношения Ирана с Ливией и Йеменом (с последним — в значительной мере в связи с многочисленностью шиитского населения в этой стране), а также с Сирией, отношения с которой Иран считает наиболее геополитически приемлемыми, партнерскими и даже, в известном смысле, союзническими, имея ввиду тождественность позиций в отношении Израиля и палестинского движения.

Нынешние отношения с режимами в Египте, Марокко, Иордании Иран рассматривает через призму тесного сотрудничества этих стран с США и Израилем. Иран внимательно следит за развитием событий в Алжире и Судане, где существенно усилились исламские силы, а также не отказывается от своего незримого присутствия в Ливане, где поддерживает шиитские и иные исламские политические и военизированные организации, деятельность которых направлена против Израиля и США.

Иран рассматривает Африку, особенно исламские страны Восточного побережья — Танзанию, Сомали, Эритрею и др., а также исламские страны Западной Африки — Нигерию (45% мусульман), Нигер (85%), Камерун (25%), Сенегал (90%), Гвинею (75%), Гвинею-Биссау (35%), Буркино-Фасо (17%), Кот-д'Ивуар (45%), Гану (12%), Того (15%) и Либерию (15%), как своих возможных партнеров и союзников, участников равноуровневых экономических межгосударственных организаций, в идеале включенных в ориентированный на Тегеран политический союз [7]. Однако, в исламских странах Африки для Ирана имеются немалые сложности в связи с тем, что здесь нередко вероучение ислама сочетается с синкретическими языческими верованиями, наличием секуляристски настроенной элиты, ориентированной на бывшие метрополии — Англию и Францию, а политически входящих в Британское или Французское Содружество. Большие трудности вызывает также и то, что значительная часть, а в ряде случаев и вся культурная и интеллектуальная жизнь некоторых стран Африки основана не на арабском языке и графике, а на французском и английском и на латинице.

«Особые» отношения складываются у Ирана с тремя державами Евразии — Россией, Китаем и Индией, хотя место и значение каждой из этих стран в иранской политике неоднозначно. Отношения с Индией придают Ирану значительный вес на Индостанском субконтиненте, уравновешивая отношения с Пакистаном — фактически союзником США и Англии. Индию сближают с Ираном не только прагмати-

ческие политические цели и экономические задачи, но и общность культурных традиций обеих стран, основанных на глубочайшей индоиранской арийской традиции.

Китай несмотря на его коммунистическую идеологию является для Ирана не только поставщиком технологий, материалов и вооружений, но и союзником в части предотвращения реальной пантюркистской угрозы — ведь в северо-западных провинциях Китая с 45 млн. тюркского населения имеются весьма благоприятные возможности для пропаганды идей пантюркизма. С другой стороны, дружба с исламским Ираном позволяет Китаю находить диалог с мусульманским меньшинством в тех же северо-западных провинциях страны. Кроме того, Китай рассматривается и как надежный, хотя и неявный партнер в антиамериканской стратегии.

Весьма прагматичны отношения Ирана с Россией как крупной региональной державой, сохранившей благодаря ядерному оружию свои прежние геополитические функции как в Азии, так и в Европе. Иран пытается сохранить благоприятный для себя баланс отношений с Россией, проводя сдержанную политику на Балканах, в Средней Азии (Таджикистане), в Афганистане и в Закавказье. Россия рассматривается Ираном как важнейший союзник и партнер в антинаатовской политике, в получении атомных и иных высоких технологий, в закупке современных вооружений. Россия, кроме того, выступает естественным партнером Ирана в противостоянии пантюркизму. Видимо, в обозримой перспективе произойдет разграничение внешнеполитических функций России и Ирана в традиционно исламских регионах юга бывшего СССР.

Большие надежды возлагает Иран на развитие отношений с Германией и с континентальной частью Западной Европы в целом, а также с Японией — как прежде всего с технологическими державами, а в перспективе, видимо, и партнерами по преодолению американского влияния. В Иране достаточно внимательно прислушиваются к идеям европейских правых политологов о целесообразности создания новой геополитической оси: Берлин — Москва — Тегеран — Токио (или Пекин), с участием Индии, Франции и других держав континента.

Отношения Ирана с Турцией носят весьма противоречивый характер. Иран стремится осторожно поддерживать исламские политические организации в этой стране, сотрудничать с партией «Благодеяния» Н.Эрбакана. Партнерство с турецкой политической элитой рассматривается прежде всего в отношении создания нового исламского экономического объединения, где были бы слабы позиции проамерикански настроенных арабских стран. Вместе с тем Иран активно пытается противостоять пантюркизму, беспрецедентному росту влияния Турции в Средней Азии, фактической политической интеграции с Азербайджаном и т.д. Иран не может равнодушно относиться к современным политическим стратегиям Турции, так как Турция, помимо привязки к американской стратегии, осуществляет и собственную пантюркистскую политику. Участие Турции в реализации крупных нефтяных проектов в Каспийском море

не может не огорчать Иран, который оказался в значительной мере вытеснен из азербайджанской экономической зоны массивным влиянием США при согласии режима Г.Алиева.

Иран, безусловно, является крупным государством, по территории (1650 тыс. кв. км) втрое превосходящим Францию, в пять раз — Германию и Японию, по численности населения (более 70 млн. чел.) превосходит все государства Передней Азии, а среди стран Европы уступает только России. Иран располагает 10% мировых запасов нефти и 15% — природного газа, обладает крупными месторождениями железных руд и руд цветных металлов, угля, урана, минерального сырья и других ценных природных ресурсов. Добившись значительных успехов в промышленности, он постепенно становится и развитой сельскохозяйственной державой. Внутренняя экономическая ситуация в Иране характеризуется очень емким, разнообразным, динамичным рынком. Заинтересованность в иранском рынке, в том числе и в рынке сбыта товаров, достаточно ярко проявилась в фактическом провале американских экономических санкций, объявленных некогда Б.Клинттоном, которые осудили буквально все страны Западного мира, включая Англию, Францию и Германию, а также партнеры Запада — Япония и страны арабского сообщества. Самодостаточность иранской экономики очевидна как в идеологическом, так и в структурном и внешнеэкономическом отношениях. Однако достижение подлинного успеха идеологии «третьего мира» (в его иранской редакции, разумеется) невозможно только в рамках одной страны, и распространение идеи «большого экономического пространства» стало важнейшей целью иранской внешней политики.

Каковы же перспективы формирования «большого экономического пространства», ориентированного либо на Тегеран, либо на некую геополитическую ось, где Исламская Республика Иран имела бы геополитически приоритетное значение?

Внешние и внутренние условия развития иранского исламского государства достаточно сложны, а подчас и противоречивы, что в значительной мере отражается на многосложности формирования «большого экономического пространства» как основы политического партнерства и союзничества. Каковы же могут быть, с точки зрения современной иранской политики, принципы формирования данного «пространства» — этнические, этнокультурные, региональные, лингвистические, геополитические, религиозные или чисто экономические? Политическая практика современного Ирана пытается осторожно использовать все эти векторы.

Как известно, Исламская революция категорически отвергла этнический национализм как политическую деятельность и социальную практику, по существу объявив Иран своего рода универсальным государством, т. е., пользуясь европейской терминологией, объявив Иран государством-нацией. Национальность гражданина Ирана определяется исключительно его гражданством. Имам Хомейни неоднократно высказывался по поводу неприемлемости национализма, делая акцент на равенстве арабов, тюрков

и иранцев перед исламом. Именно в этом универсализме и состоит наиболее важный и сильный аргумент в пользу постепенного превращения Тегерана в ориентир для формирования нового «большого экономического пространства».

Конечно же, основные чаяния иранских политиков связаны прежде всего с вовлечением в данное «пространство» исламских государств. По иранской инициативе предпринимаются методические усилия по созданию экономического сообщества исламских государств, которое по численности населения может превзойти ЕС и некоторые другие политико-экономические сообщества.

Сложившаяся в переднеазиатском регионе геополитическая ситуация выдвигает в качестве приоритетной задачу формирования «большого экономического пространства» на основе постепенной и все более тесной политико-экономической интеграции с Ираном, Туркменистаном, Таджикистаном, Арменией, Грузией, Оманом, Объединенными Арабскими Эмиратами, Йеменом, а затем Сирией и Афганистаном. Эти страны пока формально не вовлечены в иные экономические

сообщества, имеющие реальное содержание, испытывают долговременную заинтересованность в Иране как политическом и экономическом партнере. Кроме того, эти страны имеют четкую экономическую ориентацию — сырьевую или технологическую, а их участие в гипотетическом новом экономическом сообществе создаст весьма компактное и целостное пространство, что послужит реальной базой для его последующего расширения.

1. Ансари Хамид. Имам Хомейни: политическая борьба от рождения до кончины. М., 1999. С.315-326.
2. Ghods Reza. Iran in the Twentieth Century // Political History. L.: Adamantine Press, 1989. P.59-61.
3. Амир Ахмади Хушанг. // Гуфтугу. Тегеран. 1375/1996. №3. P.87-92.
4. Амир Ахмади Хушанг // Иттила'ат-и сийаси-иктисази. Тегеран. Ч.1. 1372/1993. №71-72. P.113-119.
5. Муджтахид-зада Пируз. // Иттила'ат-и сийаси-иктисази. Тегеран. Ч.1. 1375/1996. №109-110. P.91-97.
6. Сенченко И.П. Персидский залив: взгляд сквозь столетия. М., 1999. С.123.
7. Ислам в Западной Африке. М., 1998. С.43-45.